

УДК 81. 367

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-29-41

ГЕРМЫ ПОЛЯ ЯЗЫКОВОГО НАПРЯЖЕНИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСПЕКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «КНЯЖНА МЕРИ»)

Папуша И. С.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, стр. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить свойства гермов поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, находящихся в экспозиции художественного макротекста.

Процедура и методы. В работе рассмотрены лексемы гермов поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, находящиеся в экспозиции художественного макротекста и функционирующих в нём, реализуя проспекцию как текстовую категорию. При проведении исследования применены методы сплошной выборки, наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и комплексный уровневый анализ сложного синтаксического целого.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, находящиеся в экспозиции художественного макротекста, осуществляют реализацию проспекции как текстовой категории, а также когезии и интеграции, способствуя выявлению тех смыслов, которые отражают и идиостиль автора, и систему его мировоззрения, и противоречия этой системы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию сложного синтаксического целого как языковой единицы, реализующей развёрнутое высказывание.

Ключевые слова: герм, поле языкового напряжения, проспекция, развёрнутое высказывание, сложное синтаксическое целое

HERMS OF THE FIELD OF LINGUISTIC TENSION A COMPLEX SYNTACTIC WHOLE AS A WAY OF EXPRESSING A PROSPECTION IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF M. YU. LERMONTOV'S NOVELLA "PRINCESS MARY")

I. Papusha*Federal State University of Education**ul. Radio 10A bld 2, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the properties of the herms of the field of linguistic tension of a complex syntactic whole, which are in the exposition of the artistic macrotext.

Methodology. The paper considers the lexemes of the herms of the field of linguistic tension of a complex syntactic whole, located in the exposition of the artistic macrotext and functioning in it, realizing the prospectus as a textual category. The research uses methods of continuous sampling, observation, generalization, interpretation of results and a comprehensive level analysis of a complex syntactic whole.

Results. In the course of the study, it was revealed that the hermes of the field of linguistic tension of a complex syntactic whole, located in the exposition of the artistic macrotext, implement the prospectation as a textual category, as well as cohesion and integration, contributing to the identification of those

meanings that reflect both the idiosyncrasy of the author and the system of his worldview, as well as the contradictions of this system.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of a complex syntactic whole as a linguistic unit that implements an expanded utterance.

Keywords: herm, field of linguistic tension, prospection, expanded utterance, complex syntactic whole

Введение

Герм (от греч. herma – ‘межевой знак, указатель на дороге’) как компонент линейной структуры сложного синтаксического целого (ССЦ), концентрируя языковые значения единиц нескольких языковых уровней, сигнализирует о той или иной значимости данной позиционной составляющей. Степень этой значимости не пропорциональна количеству акцентированных в герме языковых особенностей, т. к. гермы разных зон поля языкового напряжения (ПЯН) транслируют и разные параметры ССЦ и разные уровни хронотопа, и это в процессе продуцирования / восприятия позволяет кодировать / декодировать не только поверхностные, но и самые потаённые смыслы, которые проявляются за счёт интегративности языковых особенностей в герме. Не отрицая тот факт, что чем больше выделенных признаков единиц разных уровней использованы в герме, тем более значим этот компонент для автора, тем более адекватно он воспринимается реципиентом, отметим, однако, независимо от того, сознательно или бессознательно автор использует языковые единицы, их комплекс в герме и его позиция в линейной структуре ССЦ являются определяющими факторами для дифференциальных и функциональных характеристик герма и, следовательно, его значимости в раскрытии смыслов художественного текста.

Гермы ПЯН ССЦ в экспозиции художественного макротекста

В наших предыдущих работах, исследуя функционирование гермов ядерной зоны поля языкового напряжения, транслирующих микроидею сложного синтаксического целого и представляющих метафизический уровень хронотопа, мы установили

то, что их значимость, складывающаяся из комплекса языковых особенностей единиц пяти языковых уровней, в художественном тексте начинает функционировать в качестве сигнатуры (от лат. signatura – ‘обозначение’ ← от лат. signum – ‘знак: ярлык, сигнал’) для художественного образа. Вместе с тем гермы окооядерной и периферийной зон, транслируя информацию, заложенную в целеустановке автора и его интенции, репрезентируют топографический и психологический уровни хронотопа. Гермы всех зон поля языкового напряжения представляют собой «продромы» (предвестники, приметы, сигналы, признаки) художественного образа и являются инструментами такой текстовой категории, как проспекция, которую И. Р. Гальперин определял как «грамматическую категорию», объединяющую «различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чём речь будет идти в последующих частях текста» [4, с. 112]. Сложное синтаксическое целое, содержащее такие гермы-сигналы, актуализирует последующие фрагменты текста, соотносимые с этими сигналами, и способствует реализации таких текстовых категорий, как когезия и интеграция. В связи с тем, что все уровни хронотопа задействованы в представлении того или иного художественного образа, гермы разных зон поля языкового напряжения участвуют в знаковом выражении образа в соответствии со своей функциональной специфичностью, т. е. представляют «продромы» разных планов художественного образа, т. к. «в образе акцентируется не миметический, подражательный момент, а продуктивный, выразительно-созидательный, который включает в себя всё, на чём основывается уникальная субъективность художника или обобщённая субъективность человечества» [16, с. 387].

Исследователи-лермонтоведы полагают, что М. Ю. Лермонтов особым способом кодировал свои произведения, например профессор Ленинградского университета Б. М. Эйхенбаум утверждал: «Лермонтов, действительно, зашифрован...» [19, с. 5]. Наша задача – продемонстрировать один из способов декодирования смыслов за счёт гермов поля языкового напряжения сложного синтаксического целого на примере повести «Княжна Мери», входящей в роман «Герой нашего времени».

Гермы ПЯН ССЦ 1 экспозиции повести «Княжна Мери»

Экспозиция повести «Княжна Мери» (11 мая в дневнике Печорина) состоит из трёх следующих друг за другом сложных синтаксических целых, что крайне редко можно наблюдать не только в текстах современных русских писателей, но и в текстах русских писателей, входящих в золотой фонд отечественной классики. Первое ССЦ (далее – ССЦ 1) построено по матрице, объединяющей три сложных предложения разных структур, и начинается с ядерного герма *Вчера я приехал в Пятигорск*, имеющего языковые особенности на пяти уровнях и являющегося темой этого ССЦ.

ССЦ 1:

*Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками.*¹

Если бы топоним *Пятигорск* находился в периферийном герме, то его значение, проявляя топографический хронотоп,

ограничилось бы указанием на место действия повести, что более характерно для нехудожественных текстов. Но автор воспринимает этот город как главный локус Северного Кавказа и, «удивительно чуткий к географическому пространству, размещает Пятигорск в центре мира, с присущей центру символикой, репрезентированной расположенной рядом с городом и давшей ему название уникальной горной системой Бештау, которую Пушкин в своё время называл «новым Парнасом» русской литературы. На её вершинах, согласно легендам, после потопа были занесены волнами обломки Ноева ковчега» [18, с. 116]. Но «реалистически» точно город опоясывает не гору Бештау (в тюркском языке *Беш* – ‘пять’, *Тау* – ‘гора’) (она «появляется на сцене» в ССЦ 2), а гору Машук, и на это автор указывает в ССЦ 1 в первом околоядерном герме – у *подошвы Машука*. Интересующие нас топонимы, находясь в ядерном и околоядерном герме, участвуют в формировании микроидеи сложного синтаксического целого, а кроме того, проявляют смыслы метафизического хронотопа. Литературоведы приводят много фактов из жизни поэта, свидетельствующих и о его «магических» свойствах, и о невероятных совпадениях, и о способности пророчествовать, и о «генетической родословной», и о «мистическом проклятии», но ни один писатель кроме М. Ю. Лермонтова не указал так точно место своей гибели в своих произведениях. Заметим, местные жители и внимательные наблюдатели насчитывают лишь три вершины у горы Бештау, и тогда «загадочным» можно считать само появления числа *пять* в экспозиции повести.

Более того, в этом же ССЦ число *пять* использовано в периферическом герме *Нынче в пять часов утра*, и этот повтор привлекает внимание к её символике: число «5» – «символ человека; графически изображается фигурой человека, чья голова, разведённые в стороны руки и широко расставленные ноги образуют пятиконечную звезду, или просто пятиконечной звездой (пентаграммой). ... Согласно доктрине пифагорейского мистицизма, число

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/l/lermontow_m_j/text_0410.shtml (дата обращения: 04.09.2024).

пять, так же, как и семь, было священным, соединяющим в себе тройку (знак Неба) и двойку (знак Земли), и являлось числом, на котором основаны законы природы и искусства. ... Другим источником этой связи могла быть древняя месопотамская традиция, согласно которой пятиконечная звезда – эмблема богини Иштар, персонализации планеты Венеры, первой вечерней и последней утренней звезды. Иштар была богиней как любви, так и войны, поэтому пятиконечная звезда до сих пор применяется как военный знак различия».¹

Так или иначе, привнесённые этими гермами смыслы предваряют повествование о человеке не простым, а находящемся в центре системы пятиконечной звезды и связующем Небо и Землю, «переплавляющем» их смыслы, – не даром В. Г. Белинский, рассматривая роман «Герой нашего времени», главу «Княжна Мери» выделял как особо значимую в психологическом отношении: «Законы нравственности в натуре человека, в его чувстве, и потому они не противоречат его делам; а кто чувствует и поступает сообразно с своим чувством, тот мало говорит. Разум не сочиняет, не выдумывает законов нравственности, но только *сознаёт* их, принимая их от чувства как *данные*, как *факты*. И поэтому *чувство* и *разум* суть не противоречащие, не враждебные друг другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человеческого. Но, когда человеку или отказано природою в нравственном чувстве, или оно испорчено дурным воспитанием, беспорядочною жизнью, – тогда его *рассудок* изобретает свои законы нравственности» [2, с. 77].

Можно предположить, что не случайно образ княжны Мери связан именно с Пятигорском и с горой Машук и начинает формироваться до её появления в повествовании. Во-первых, это легенда о трагической любви девушки по имени Машук(а). На наш взгляд, эта «закадровая» информация представляется кодом разворачивающих-

ся в повести отношений между героями. Исследователи творчества поэта подтверждают его «кавказский» ресурсный потенциал: «Историчность сознания – одно из самых важных свойств интеллектуальности Лермонтова. В своём творчестве он был учёным-филологом, историком, этнографом, философом. Общеизвестна историко-этнографическая достоверность сюжетов и образов его кавказских поэм, близкое знакомство с горской и казачьей средой, с богатым фольклором Кавказа» [8, с. 158]. Во-вторых, один из околоядерных гермов ССЦ 1 – *моя комната наполнилась запахом цветов*, включая концепт «запах», с одной стороны, позволяет реципиенту перцептивно предчувствовать прослеживаемые в тексте оппозиции «жизнь / смерть», «невинность / грех», «свой / чужой», с другой стороны – аромат цветов, воспринимаемый в русском менталитете как нечто позитивное, гармоничное, настраивает на восприятие образа княжны в соответствии с предполагаемой оценкой. М. Е. Салтыков-Щедрин в книге очерков «За рубежом» отметил: «Есть очертания, звуки, запахи до того ласкающие, что человек покоряется им совершенно машинально, независимо от сознания. Он не анализирует ни ощущений своих, ни явлений, породивших эти ощущения, и просто живёт, как очарованный, чувствуя, как в его организме льётся отрада»² (словосочетание *отрадное чувство* использовано М. Ю. Лермонтовым в околоядерном герме ССЦ 3). И в одном из первых сложных синтаксических целых, непосредственно связанных с образом Мери, появляется околоядерный герм, транслирующий психологический хронотоп (а именно: первое впечатление Печорина о княжне): *от неё повеяло тем неизъяснимым ароматом*. Завершает развитие метафоры запись в дневнике Печорина от 3 июня: *А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь*

¹ Символика цифры 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://phservice.ru/simvolika-cifry-5-pyat-enciklopediya-znaki-i-simvol-y-smert-i.html> (дата обращения: 04.09.2024).

² Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. М.: Советская Россия, 1989. С. 193.

поднимет! Заметим, концепт «запах» встретится ещё в записи от 10 июня при описании воздуха Кисловодска, куда Печорин переехал ради встреч с Верой, поэтому ядерный (и *свежесть ароматического воздуха*), околдерный (*отягощённого испарениями*) и периферийный (*высоких южных трав и белой акации*) гермы, образующие в линейной структуре своего сложного синтаксического целого сложное словосочетание, определяемое конструкцией причастного оборота с несогласованными однородными определениями внутри него, уже никак не связаны с образом княжны. В «Энциклопедии знаков и символов» цветы представлены как «самые прелестные и поэтические создания природы, непреходящая отрада для глаз и улада для обоняния. Цветы символизируют мир, красоту и совершенство; юность, весну и расцвет; нежность, любовь и гармонию. ... В мифологии цветы символически связаны с красотой, любовью и смертью».¹ Смыслы этого герма в экспозиции повести предвосхищают и образ Мери, и образ Грушницкого, и образ Веры, и образ дуэли, и образ самого автора «Героя нашего времени» в оценке В. Г. Белинского: «Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и *благоухания* и – исчезнуть во всей красе своей...» [2, с. 119].

Во втором ядерном герме ССЦ 1 (*растущих в скромном палисаднике*) надо отметить слово *палисадник*. Этимологические словари русского языка (см. А. В. Семёнов², Н. М. Шанский³, Г. А. Крылов⁴ и др.) происхождение этого слова связывают с латинским *palus* ('кол'). И изначально им называ-

ли 'оборонительные сооружения из кольев в виде забора' (воен.), затем – 'лёгкий сквозной забор из жердей или кольев', далее – 'огороженный садик перед домом'. Однако несмотря на то, что толковые словари русского языка не указывают первого значения (см., например, МАС⁵) и в тексте повести слово использовано в значении *Небольшой огороженный садик перед домом*, сема *кол* присутствует в слове и считается носителем, обозначая опасность и угрозу. А если отслеживать ассоциативное поле этого слова, то можно выстроить цепочку «всплывающих» смыслов: оборонительное сооружение – осада – приступ – взятие «крепости», т. е. фабула отношения Печорина к княжне разворачивается по этому сценарию, «прописанному» в ядерном герме первого сложного синтаксического целого экспозиции повести.

Гермы ПЯН ССЦ 2 экспозиции повести «Княжна Мери»

Второе сложное синтаксическое целое экспозиции повести «Княжна Мери» построено по расширяющейся матрице и состоит из двух предложений (первое простое, второе сложное многочленное с разными видами связи).

ССЦ 2:

Вид с трёх сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Беиштин синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Маишук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом...

¹ Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 144

² Семёнов А. В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov> (дата обращения: 04.09.2024).

³ Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 04.09.2024).

⁴ Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения: 04.09.2024).

⁵ Словарь русского языка (Малый академический словарь). [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 04.09.2024).

Тема ССЦ – *Вид с трёх сторон*. Ядерных гермов в этом ССЦ четыре: как «последняя туча рассеянной бури»; и закрывает всю эту часть небосклона; а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее; начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Это сложное синтаксическое целое продолжает описание места грядущих событий, поэтому все топонимы, используемые в ней, репрезентируют героев легенды, символизирующей архитектуру отношений между героями повести.

Первый ядерный герм (как «последняя туча рассеянной бури») представляет собой наиболее популярный вид аллюзии – прямое цитирование первоисточника – первую строку стихотворения А. С. Пушкина «Туча». «Связь между творчеством Пушкина и творчеством Лермонтова с самого начала ощущалась если не всеми, то во всяком случае наиболее чуткими и проницательными из критиков Лермонтова. В их сознании Лермонтов являлся непосредственным продолжателем, “наследником” Пушкина», – писал в своём исследовании академик АПН СССР Д. Д. Благой [3, с. 356]. А литературный критик Д. С. Мережковский метафорически дифференцировал гениев: «Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами – созерцанием и действием» [9, с. 2]. Можно предположить, что смыслы образа стихотворения великого предшественника (изменения в природе, изменения в жизни, чередование «чёрного» и «белого», перманентная динамика жизни, одиночество, «инаковость») в этом сложном синтаксическом целом присутствуют имплицитно, а «на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста» [15, с. 124]. Этот герм приходится на сравнительный оборот, определяющий гору Бештау, названную в честь легендарного богатыря-нарта, великого воина, умеющего понимать язык зверей. А если принять во внимание тот

факт, что на этой горе, некогда называвшейся Бусовой, сохранился Храм Солнца – остатки древнего скифского святилища солнцепоклонников, то, по «звёздному мифу времён ведических»¹, гора эта – воплощение самого необычного бога из всего пантеона славянских богов – пятиликого Бога Велеса (Лермонтов в ССЦ 1 уже акцентировал внимание реципиентов на цифре пять), т. е. ядерный герм транслирует глубинные смыслы, связанные с метафизическим хронотопом, и позволяет воспринять главного героя – Печорина – человеком с совсем иной (стихийной) энергетикой, не сопоставимой ни с «чистой лазурью», ни с обществом. Как справедливо отмечают лермонтоведы К. Э. Штайн и Д. И. Петренко – «Оно актуализируется в глубине текста как когнитивный метапоэтический артефакт – стихотворение А. С. Пушкина, который способствует подкреплению содержания и звучит в унисон с ним» [17].

Слово *амфитеатр*, вошедшее в один из ядерных гермов этого сложного синтаксического целого (*а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее*), проявляет принципиальную особенность повести «Княжна Мери» – она «формируется на драматургической основе» [12, с. 5], она базируется на основе «повествовательной сценичности, театральности» [14, с. 98], она представляет собой «многоплановое театрализованное действие, в котором Печорин выступает как сочинитель спектакля, его постановщик и исполнитель главной роли» [10, с. 64], «театрализация составляет внутреннюю форму его дневника» [17]. Полагаем, что ССЦ 2 является реминисценцией к стиху *Театр уж полон, логи блещут* А. С. Пушкина: *Вид с трёх сторон у меня чудесный* – околядерный герм, представляющий тему ССЦ; *шумит разноязычная толпа* – околядерный герм, предшествующий рассматриваемому ядерному. Позволим себе не согласиться с Г. В. Москвиным, утверждающим, что «Фразы Грушницкого и Печорина звучат в экспозиции к этому спектаклю» [11,

¹ Асов А. Священные прародины славян [Электронный ресурс]. URL: <https://lsvsx.livejournal.com/742272.html> (дата обращения 04.09.2024).

с. 7]: экспозиция повести, выраженная тремя подряд сложными синтаксическими целыми, и есть экспозиция «комедии», которую «организует» главный герой. Выдвинутое нами ранее утверждение «Ядерные гермы проявляют метафизический уровень хронотопа» [13, с. 4] можно верифицировать следующими наблюдениями К. Э. Штайн и Д. И. Петренко: «Нагнетая в своём “спектакле” драматизм в собственной судьбе и судьбе других, Печорин пытается вызвать ответы из другого мира – мира ирреального, который тем не менее остаётся безмолвным. Мир героя – это не столько мир эмпирических вещей и представлений, сколько мир социальных ролей, ролевых масок, и данный семиозис позволяет ему прокладывать путь от реального к ирреальному – миру метафизических сущностей» [17].

Гермы ПЯН ССЦ 3 экспозиции повести «Княжна Мери»

Завершает экспозицию повести «Княжна Мери» сложное синтаксическое целое с темой *Весело жить*.

ССЦ 3:

Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка; солнце ярко, небо синее – чего бы, кажется, больше? – зачем тут страсти, желания, сожаления?..

Это сложное синтаксическое целое начинается ядерным гермом *Весело жить в такой земле!* и заканчивается ядерным гермом *зачем тут страсти, желания, сожаления?..* Первый из них «закладывает» мотив веселья в повествование. И если отталкиваться от ранее высказанных предположений («мир – театр, люди – актёры, эти роли ими обозначены, маркированы одеждой, стилем мышления, и требуется только режиссёр, который расставит всё по своим местам» [17]), то реципиенты должны быть в предчувствии «комедии». И на протяжении повествования этот мотив прослеживается вплоть до кульминации отношений Печорина с Мери (*я вас не люблю*),

хотя слова Печорина *Finita la comedia!* прозвучат уже после дуэли с Грушницким: *Таким образом, мои планы нисколько не расстроились, и мне будет весело... / Весело!..* (запись 16 мая); – Скажи мне, – наконец, прошептала она, – тебе **очень весело** меня мучить? (запись 16 мая); *Отчего вы думаете, что мне веселее с Грушницким?* (запись 22 мая); *Грушницкий, кажется, очень рад, что моя **весёлость** её не заражает* (запись 23 мая); и притом *грусть в обществе смешна, а слишком большая **весёлость** неприлична...* (запись 23 мая); *Все заметили эту необыкновенную **весёлость*** (запись 3 июня); *Эта мысль поразила доктора, и он **развеселился*** (запись после 16 июня) и т. д. Этимологические словари русского языка так объясняют происхождение слова *весёлый*:

– Общеславянское слово, образованное от той же основы, что и существительное *весна*. Та же основа у древнеиндийского *vasu* – «хороший».¹

– Очень древнее по своему корню, слово это связано и с русским «весна», и с литовским «васара» – «лето». Впрочем, другие учёные видят в нём общее с латышским «vesels» – «здоровый».²

– Родственно лтш. *vēselš* «здоровый, целый, невредимый», ... которые являются расширениями и.-е. **vesu-*; ср. др.-инд. *vásu-* «хороший», авест. *var̥hu-*, *vohu-*, галльск. *vesu-* в собств., ирл. *fiu* «достойный; равный».³

– Общеслав. ... Буквально – «хорошо живущий, радующийся».⁴

– Праслав. Первичное знач. «светлый, радостный». ... И.-е. **tjes-* первонач.

¹ Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения 04.09.2024).

² Успенский Л. В. Школьный этимологический онлайн-словарь «Почему не иначе?». [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky> (дата обращения 04.09.2024).

³ Фасмер М. Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения 04.09.2024).

⁴ Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения 04.09.2024).

«жить», «пробывать», «нежиться, тешиться, пировать».¹

«Комедия» предполагает веселье как «беззаботно радостное настроение (с его внешними проявлениями)»² – все описываемые в дневнике героя события преподносятся автором как игровые действия, где любовь иллюзорна, дружба иллюзорна, смерть иллюзорна, – всё «хорошо», «здорово», «целостно». Веселье определяет все внешние события жизни Печорина, а внутренние переживания определяются радостью как «внутренним чувством удовольствия»: «*Может быть, – подумал я, – ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...*» (запись 16 мая); *То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или радоваться* (запись 23 мая); *И княгиня внутренне радовалась, глядя на свою дочку* (запись 3 июня); *ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна* (письмо Веры); *отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?*.. (заключение дневника Печорина). И если отталкиваться от словарной дефиниции слова *отрада* ('чувство удовольствия, радости, удовлетворения'³), то околоядерный герм, следующий после ядерного, *Какое-то отрадное чувство*, проявляя психологический хронотоп, репрезентирует антитезу внешнее / внутреннее (чувство) в этом сложном синтаксическом целом. А после околоядерного герма следует периферийный герм *разлито во всех моих жилах* – и он, являясь ретроспекцией записи в дневнике героя от 16 мая, предвещает образ

Веры: *Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса* (запись 16 мая).

Мы полагаем, что в рамках этого сложного синтаксического целого внешний мир представлен периферийными гермами (*Воздух чист и свеж; солнце ярко; небо сине*), а внутренний мир – ядерными и околоядерными, следовательно, *страсти, желания, сожаления* противоположены не *воздуху, солнцу, небу*, а – *отрадному чувству*, т. е. «поле битвы» покоя / непокоя, удовлетворения / неудовлетворения, наслаждения / страдания – душа героя.

В последнем ядерном герме поставлен вопрос – *зачем тут страсти, желания, сожаления?*.. Что есть страсть, Печорин излагает в дневнике:

– ...бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдём такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство – истинная **бесконечная страсть**, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности – только в невозможности достигнуть цели, то есть конца (запись 3 июня);

– Страсти не что иное, как идеи при первом своём развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов; душа, страдающая и наслаждаясь, даёт во всём себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно... (запись 3 июня);

– электрическая искра пробежала из моей руки в её руку; все почти **страсти** начинаются так (запись 3 июня);

– верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлёкся приманками **страстей пустых и неблагодарных** (ночь перед дуэлью);

– Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные

¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://www.slovorod.ru/etym-cyganenko/_pdf/cyganenko-vocabulary.pdf (дата обращения 04.09.2024).

² Ушаков Д. Н. Толковый онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (дата обращения 04.09.2024).

³ Словарь русского языка (Малый академический словарь). [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения 04.09.2024).

страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия (по дороге на дуэль).

А ответ на поставленный в последнем ядерном герме экспозиции повести вопрос – в развязке повести: Печорин опустошён (один из образов заключения: *пустынная пристань*), Грушницкий убит, Вернер не протянул руки герою, Мери его ненавидит, Веру он потерял навеки... «Последние три дня повести представляют собой комедию человеческую как мистерию утраты всего, что составляет содержание жизни ... Прах – то, во что рассыпались ожидания и ценности героя, прах – суэта существования героев художественного мира повести» [11, с. 7]. Таким образом первый и последний ядерные гермы ССЦ 3 представляют антитезу, которая, на наш взгляд, есть пружина развития и сюжета повести, и её образов, и исследования своей души и душ других людей Печориным.

Герм последнего сложного синтаксического целого экспозиции повести *как поцелуй ребёнка* не случайно околядерный – он проявляет психологический хронотоп и, сам являясь перспекцией первой части романа «Герой нашего времени», задаёт вектор экспансии темы взросления как самопознания на протяжении всей анализируемой повести. «Удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: всё приобретённое отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда, и, верно, будет когда-нибудь опять», – читаем в повести «Бэла». Заметим, что герм-сравнительный оборот определяет воздух как элемент Природы. И мотивы Природы, взросления Души, самопознания, переплетаясь в одном из первых ССЦ повести «Княжна Мери», становятся индикаторами последующих оценок. Нельзя не согласиться с русским советским литературоведом А. М. Евлаховым, писавшем о Печорине: «Постичь себя как стихию, обрести в себе начала Вечной Мудрости, сознать своё «я» как нечто целостное и себе довлеющее, переступить победной ногой грани времени и пространства,

превратив прошлое в настоящее и в настоящем уловив знамения грядущего, – не значит ли это воссоединиться с Космосом в стихийном порыве, перелив свою малую душу в великую душу Природы?!...» [6, с. 704]. Лермонтовед С. Н. Зотов отмечает: «Подлинная личность лишь тот, кто, размышляя, движется по пути самопознания. Таковы в романе Печорин и Мери» [7, с. 47]. Если мы «уравниваем» героев по этой характеристике, то неожиданная сема, обнаруженная М. Фасмером при декодировании смыслов слова *весёлый* (ирл. *fiu* ‘достойный; равный’¹), тоже находит «свое место» в сложной мозаике трактовок образов главных героев.

Российский писатель П. В. Басинский писал: «Есть что-то волшебное в прозе Лермонтова, и особенно – в повести “Княжна Мери”, самой, на мой взгляд, гениальной части романа “Герой нашего времени”. ... Не отсюда ли эта самая, на мой взгляд, великая в мировой литературе метафора: “Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка”?»² В ССЦ 3 эта метафора представлена двумя гермами, последний из которых сравнительный оборот *как поцелуй ребёнка* – околядерный герм, являющийся одним из лейтмотивов повести. Так игра, «комедия», маскарад – показатели детскости, ребячливости, задиристости, а всё «водяное общество» развлекается эпиграммами, которые пишут друг на друга и Грушницкий, и Вернер, и Печорин, и, наверное, другие. Толстая солдатская шинель не что иное, как рисовка юнкера, которому *едва ли двадцать один год*, и все его поступки свидетельствуют о незрелости и инфантильности – *он не знает людей и их слабых струн; довольно мил и забавен; бросается вперёд, зажмуря глаза; как все мальчишки, он имеет претензию быть стариком*. Узнав о том, что Мери обещала мазурку Печорину,

¹ Фасмер М. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения 04.09.2024).

² Басинский П. Лермонтов предвидел свою дуэль, описав её в точности, но в точности до наоборот [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/01/09/pushkin-lermontov-tolstoj-piatigorsk.html> (дата обращения 04.09.2024).

он восклицает *Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки...* И эта фраза, являясь реминисценцией к «Евгению Онегину», отсылает реципиента к фразе Ленского *Кокетка, ветреный ребёнок...* Ребёнком воспринимает Мери и Печорин: *зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки; А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души!; её неопытное сердце; её белые плечики, её маленькие ножки.* И сам Печорин во многих сценах повести предстаёт перед нами ребёнком:

– *А смешно подумать, что на вид я ещё мальчик: лицо хотя бледно, но ещё свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...* (после встречи с Верой);

– *в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы* (после 16 мая);

– *я упал на мокрую траву и как ребёнок заплакал* (после погони за Верой).

Прав профессор А. М. Евлахов, отмечая: «Таким ребёнком и является перед нами Печорин всякий раз, как соприкоснётся с природой. Его детская душа, полная таинственных соприкосновений с Космическим, в такие минуты как бы обретает самое себя, вновь становясь такою, “какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять”» [6, с. 704]. Слово *ребёнок* в экспозиции повести анонсирует запись в дневнике героя от 3 июня: *душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всем себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно; ... она проникается своей собственной жизнью, – лелеет и наказывает себя, как любимого ребёнка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие.* Учитывая серьёзный интерес поэта к типам культуры Востока, можно предположить, что образ *душа-ребёнок* (много позже Карл Густав Юнг назовёт его *архетип ребёнка*, а психологи двадцатого века – *внутренний ребёнок*) перекликается с образом Золотого Зародыша в системе мироописания индийской «Ригведы»¹; с образом Бессмертного

Зародыша в системе китайского мироописания «Хроники Дао»² (при рождении человека его изначальный дух юаньшэнь (ян) отсекается, и далее бразды правления переходят к *познающему духу* шишэнь (инь)). Выражаясь терминами магического мифа, скажем, что жизнь – это процесс перевода жизненной витальной энергии в *энергию осознания*); с образом основателя даосизма, автором классического трактата «Дао дэ цзин»³ («Канон Пути и благодати») Лао-Цзы [老子] (его имя значит ‘старый ребёнок’); с образом «Новое рождение при Жизни» – краеугольным камнем мироописания в китайской «Книге перемен»⁴ («И цзин», другое название «Чжоу и») и т. п. В свой последний приезд в Петербург в начале 1841 г. Лермонтов говорил издателю журнала «Отечественные записки» А. А. Краевскому: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас ещё мало понятны. Но ... там на Востоке тайник богатых откровений»⁵, а в поэме «Сашка» писал: «Не веры я ищу – я не пророк, / хоть и стремлюсь душою на Восток». Интуитивное понимание Лермонтовым того, что Душа принадлежит Небу и на Земле её надо возвращать (спасать!!!), позволило выдающемуся судебному оратору и талантливому литературному критику XIX в. С. А. Андреевскому написать очень точные слова об авторе: «Он сам весь пропитан кровною связью с надзвёздным пространством. Здесьняя жизнь – ниже его. Он всегда презирает её, тяготится ею ... его великая и пылкая душа была как бы занесена сюда

04.09.2024).

² Возращивание Бессмертного Зародыша. (Ден Мин-Дао. Глава 27). [Электронный ресурс]. URL: <https://otzvip.ru/viewtopic.php?t=68213> (дата обращения 04.09.2024).

³ Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Lao_tszi_Dao_Dye_Czin.pdf (дата обращения 04.09.2024).

⁴ Шүцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». [Электронный ресурс]. URL: <http://64hex.ru/library/9.pdf> (дата обращения 04.09.2024).

⁵ Лермонтов М. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Типо-литография В. Ф. Рихтера, 1891. С. 368–369.

¹ Хираниягарбха [Электронный ресурс]. URL: <https://nathas.org/dictionary/hiranyagarbha> (дата обращения

для “печали и слёз” ... родство с небом даёт ключ к пониманию и его жизни, и его произведений ... Никто так прямо не говорил с небесным сводом, как Лермонтов, никто с таким величием не созерцал эту глубокую бездну» [1, с. 354, 356]. Нельзя не согласиться с доктором филологических наук, профессором Н. А. Герасименко, утверждающей, что главная «идея антропоцентрической лингвистики, лежащая в основе современных исследований, – это обнаружение проявлений личности говорящего в коммуникативных единицах языка: предложении, сложном синтаксическом целом и тексте как результате взаимодействия этих единиц» [5, с. 178].

Заключение

Гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, используемого автором в начале художественного текста (экспозиция, вступление, зачин, предисловие и т. п.), выполняют особую функцию – они являются «семенами» текстовых смыслов, которые «прорастут» в художественном тексте по мере того, как автор будет воплощать свой замысел. Но, в связи с тем, что сложное синтаксическое целое – языковая единица, не всегда сам автор осознаёт, «как слово наше отзовётся», – «дистанция между автором и текстом

подвижна и непредсказуема»¹. Но за счёт первых сложных синтаксических целых художественного произведения понятие «проспекция» приобретает новые грани своей презентации, т. к. дистантные элементы одного смысла, считываемые в гермах поля языкового напряжения, позволяют формировать «каркас» текста как в его продуцировании, так и в его восприятии.

Полагаем, что одно слово (например, *ребёнок*), оказавшееся в ядерном или околоядерном герме поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, может вскрыть намного больше уровней смысла в макротексте, чем слова вне этой языковой единицы. Советский учёный-литературовед и текстолог, доктор филологических наук Б. М. Эйхенбаум писал о том, что в произведениях М. Ю. Лермонтова «многое не только не оценено, но даже и не прочитано так, как должно было бы прочитано» [19, с. 3]. Мы уверены в том, что гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, являясь способом выражения проспекции, ретроспекции, когезии, интеграции, других текстовых категорий, способствуют тому, чтобы прочесть великие произведения русской классики «так, как должно было бы прочитано».

Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевский С. А. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, Н. Ю. Данилова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. С. 351–440.
2. Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 28–123.
3. Благый Д. Д. Лермонтов и Пушкин (Проблема историко-литературной преемственности) // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: сборник первый. М.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 356–421.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
5. Герасименко Н. А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/563> (дата обращения 04.09.2024).
6. Евлахов А. М. Надорванная душа (к апологии Печорина) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: РХГА, 2013. С. 690–725.

¹ Эпштейн М. Н. Язык – это главное противовирусное средство / интервью В. Бабицкой [Электронный ресурс]. URL: <https://polka.academy/materials/697> (дата обращения 17.09.2024).

7. Зотов С. Н. Система персонажей в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 140 с.
8. Машанова Л. В., Машанова Ю. И. История Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 156–161.
9. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: РХГА, 2013. С. 399–440.
10. Москвин Г. В. «Зачем я так упорно добиваюсь любви?..» (Суть любовной интриги Печорина в повести «Княжна Мери». К вопросу о духовном основании сюжета) // Stefanos. 2015. № 5. С. 61–66.
11. Москвин Г. В. «Смешно и досадно» (Повествовательная интермедия в повести «Княжна Мери» – ночь перед поединком) [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2020. № 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33774 (дата обращения: 04.09.2024).
12. Недзвецкий В. А. Герой нашего времени: становление жанра и смысла // Известия РАН. Серия литература язык. 1997. Т. 56. № 4. С. 3–20.
13. Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое как хромотопная языковая единица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 47–55.
14. Турбин В. Н. «Ситуация двуязычия» в творчестве Пушкина и Лермонтова // Лермонтовский сборник. М.: Наука, 1985. С. 91–103.
15. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: URSS, 2012. 280 с.
16. Хатамова Д. А. Сфера рецепции термина «художественный образ» // Молодой учёный. 2019. № 45 (283). С. 386–389.
17. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Универсальность Лермонтова [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/shtajn-petrenko-universalnost-lermontova/teatr-pechorina.htm> (дата обращения: 11.09.2024).
18. Шульгина И. С. Лермонтовский Пятигорск в восприятии современной литературы // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 115–120.
19. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: Академия наук СССР, 1941. 827 с.

REFERENCES

1. Andreevsky S. A. [Lermontov]. In: M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya. T. 1 [M. Yu. Lermontov: pro et contra, anthology. V. 1]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2013, pp. 351–440.
2. Belinsky V. G. [A Hero of Our Time. Work by M. Lermontov]. In: Belinsky V. G. M. Yu. Lermontov: stat'i i recenzii [M. Yu. Lermontov: articles and reviews]. Leningrad, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1941, pp. 28–123.
3. Blagoi D. D. [Lermontov and Pushkin (The Problem of Historical and Literary Continuity)]. In: Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: sbornik pervyj [Life and Work of M. Yu. Lermontov: Research and Materials: First Collection]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1941, pp. 356–421.
4. Galperin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 139 p.
5. Gerasimenko N. A. [Correlation of Objective and Subjective Components of Meaning in Bi-substantive Sentences]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow Region State University], 2012, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/563> (accessed: 04.09.2024).
6. Evlahov A. M. [The Torn Soul (to Pechorin's Apology)]. In: M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya. T. 1 [M. Yu. Lermontov: pro et contra, anthology. Vol. 1]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2013, pp. 690–725.
7. Zotov S. N. Sistema personazhej v romane M. Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni»: dis. ... kand. filol. nauk [The system of characters in M. Yu. Lermontov's novel "A Hero of Our Time": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1989. 140 p.
8. Mashanova L. V., Mashanova Yu. I. [The history of the Caucasus in the works of M. Yu. Lermontov]. In:

- Voprosy istorii* [Questions of History], 2012, no. 2, pp. 156–161.
9. Merezhkovsky D. S. [M. Yu. Lermontov. The poet of superhumanity]. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya. T. 1* [M. Yu. Lermontov: pro et contra, anthology. Vol. 1]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2013, pp. 399–440.
 10. Moskvina G. V. ["Why am I so persistently pursuing love?.." (The essence of Pechorin's love affair in the story "Princess Mary". On the issue of the spiritual basis of the plot)]. In: *Stefanos*, 2015, no. 5, pp. 61–66.
 11. Moskvina G. V. ["Funny and annoying" (Narrative interlude in the story "Princess Mary" – the night before the duel)]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific research], 2020, no. 9. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33774 (accessed: 04.09.2024).
 12. Nedzvetsky V. A. [Hero of Our Time: Formation of Genre and Meaning]. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatura yazyk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series Literature Language], 1997, vol. 56, no. 4, pp. 3–20.
 13. Papusha I. S. [Complex Syntactic Whole as a Chronotopic Linguistic Unit]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 47–55.
 14. Turbin V. N. ["The Situation of Bilingualism" in the Works of Pushkin and Lermontov]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontov Collection]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 91–103.
 15. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]. Moscow, URSS Publ., 2012. 280 p.
 16. Khatamova D. A. [The sphere of reception of the term "artistic image"]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2019, no. 45 (283), pp. 386–389.
 17. Shtain K. E., Petrenko D. I. [Lermontov's universality]. Available at: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/shtajn-petrenko-universalnost-lermontova/teatr-pechorina.htm> (accessed: 11.09.2024).
 18. Shulgina I. S. [Lermontov's Pyatigorsk in modern literature perception]. In: *Mir russkogo slova* [World of Russian Word], 2014, no. 3, pp. 115–120.
 19. Eikhnenbaum B. M. [Lermontov's literary position]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 43–44* [Literary heritage. T. 43–44. M. Yu Lermontov. Bk. 1]. M. Yu. Lermontov. Kn. 1. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 827 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Папуша Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: is.papusha@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Papusha – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Slavic Philology and Culture of Communication, Federal State University of Education, Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;
e-mail: is.papusha@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Папуша И. С. Гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого как способ выражения проспекции в художественном тексте (на материале повести М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери») // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 29–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-29-41

FOR CITATION

Papusha I. S. Herms of the Field of Linguistic Tension a Complex Syntactic Whole as a Way of Expressing a Prospection in a Literary Text (Based on the Material of M. Yu. Lermontov's Novella "Princess Mary"). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 5, pp. 29–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-29-41